

Кто устоял в сей жизни трудной...

Известия. — 1999. —
19 июня. — С. 7

Василю Быкову — 75 лет

Архип АНГЕЛЕВИЧ

Странная вещь — исторический контекст. Человек несведущий пробежит глазами биографическую справку, поморщится: легальный писатель, обласкан властью. Тот, кто знает, как складывалась литературная — и человеческая — судьба Василя Быкова, в ответ усмехнется. Не только в том дело, что минские политические нравы всегда были на порядок жестче общесоюзных — и на любой московский знак отличия в Минске отвечали «знаком беды». Советская власть была неизбытна и вездесуща; одним затыкала рот кляпом, другим — поцелуями; кого «гнобила», а кого и заласкивала до смерти, душила в объятиях. И еще неизвестно, в какой ситуации было труднее нравственно уцелеть, сохранить верность таланту, самовыразиться.

Быков — самовыразился, реализовался. Он начинал свой литературный путь в общем строю

«лейтенантской прозы», создаваемой поколением фронтовиков; однако жесткие рамки социального реализма с самого начала были ему тесны. И в «Круглянском мосте», и в повести «Пойти и не вернуться» он формально соблюдает каноны «ремарковского» образа войны, сосредоточивается не на батальных сценах, а на человеческих отношениях, обостренных близостью к смерти. Но, по существу, пишет вообще о другом: о принципиально неверном мироустройстве, замыкающем человека в национальные, социальные, классовые границы. Герои его «Альпийской баллады» переживают высшее (недолгое!) счастье, когда бегут из лагеря через Альпы, и для них перестает существовать политическая реальность, а остается лишь Любовь, которая — увя — отнюдь не сильнее смерти.

Эта романтическая нота будет звучать и в других, более зрелых, более сложных быковских вещах, особенно — в романе «Знак беды», который сначала был хоро-



В. МЕЖЕВИЧ

Быков Василь (Василий) Владимирович

- 1924 — родился в д. Череновщина Ушачского р-на Витебской обл.
- 1960 — опубликована повесть «Журавлиный крик»
- 1964 — «Альпийская баллада»
- 1966 — повесть «Мертвым не больно»
- 1970 — повесть «Сотников»
- 1982 — роман «Знак беды»
- 1973 — лауреат Государственной премии СССР
- 1980 — звание Народного писателя Белоруссии
- 1984 — Герой Соцтруда
- 1986 — Ленинская премия
- 1993 — повесть «В тумане»
- 1997 — премия Международного Литфонда (статуэтка Дон Кихота)

шенько порезан (коллективизация!), а затем награжден Ленинской премией (перестройка!). Звучит она и в новых быковских рассказах, напечатанных в майском номере «Звезды», — «Катюша», «Политрук Коломиец»: полу-

чив сталинский приказ «Ни шагу назад», политрук находит единственно возможный способ воодушевить солдат на отчаянную атаку — обещает им, что колхозы после войны распустят; развязка сюжета очевидна. Но год от года

«абстрактный гуманист» Быков, который давным-давно сам себя переводит на русский язык (да, кажется, и мыслит по-русски), все жестче, все определеннее говорит о национальной самобытности белорусов, об их праве — а может, и обязанности — выйти из мощной тени старшего брата, найти свой собственный путь в истории, начав с возрождения белорусского языка, за годы советской власти превратившегося в «трасянку». Что же, это вполне логично: именно романтизм соединил несоединимое, мечту о всемирном братстве поверх государств и идеологий — с культом «народности», тактикой культурного обособления.

Нетрудно догадаться, в какой тяжелой атмосфере встречает Быков свое 75-летие. Белорусские «народники», национал-демократы оказались в чудовищном меньшинстве; по страшной иронии истории путь к суверенитету завел Белоруссию в лукашенокский тупик; московское прикрытие наконец исчезло (и Москва вообще

стала для Быкова олицетворением имперского зла), а минский «беспредел» усилился невероятно. На последнюю по времени книгу быковской прозы, которая была вычеркнута из списка изданий, финансируемых государством, деньги пришлось собирать всем миром. Выпустили ее тиражом 500 экземпляров.

В чем находит он утешение? В мысли о том, что дело национального просвещения рано или поздно даст обильные всходы? В старой кушнеровской формуле — «Кто устоял в сей жизни трудной»? Тому трубы не страшны судной// Звук осторожный и глухой? Или в спокойной уверенности (более чем оправданной), что как Брежнев неизбежно превратился в мелкого политического деятеля времен Сахарова и Солженицына, так Лукашенко будет называть малоизвестной фигурой эпохи Быкова и Алексиевича?

С днем рождения, Василь Владимирович. В том, что вы сумеете выстоять и на этот раз, никто не сомневается.